

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ THE HISTORY OF BYZANTIUM

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386

EDN: OVZBCM

Научная статья / Research article

Трактат Константина Багрянородного «О фемах» как источник по исторической топонимике и этнонимике древней Анатолии

В.В. Хапаев , П.А. Бараненко

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская
Федерация

 khapaev007@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что трактат Константина Багрянородного «О фемах» является ценным источником по этнической истории, ранее не востребованным в мировой историографии в этом качестве. Цель исследования — выявить и проанализировать содержащуюся в первой части сочинения «О фемах» информацию по истории народов Анатолии периода античности. Опираясь на сравнительный метод исследования, авторы установили, что Константин Багрянородный обладал широчайшей эрудицией и был знаком с большим массивом античных письменных источников. Отсутствие у него интереса к актуальной этнической картине византийской Анатолии свидетельствует в пользу датировки трактата периодом отстранения Константина VII от политической власти (около 934 г.), когда он сосредоточился на литературных занятиях. Доказано, что автор трактата делил древние народы Малой Азии на «важные» и «неважные», «хорошие» и «плохие», основываясь на том, насколько заметную роль они сыграли в событиях древней истории и какую сторону занимали в конфликтах эллинов и римлян с их противниками. Архаизация этнической истории Анатолии Константином Багрянородным свидетельствует о поиске византийской элитой середины X в. исторической преемственности от народов древности, со всеми их достоинствами и недостатками. Это побуждало авторов той эпохи глубоко изучать труды древних авторов, сохранять их наследие, искать, находить и заказывать копии древних трактатов. Благодаря их усилиям значительный массив античного литературного наследия дошел до наших дней.

© Хапаев В.В., Бараненко П.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Византийская империя, этнос, Малая Азия, античность, фема, греки, ромеи

Вклад авторов. Хапаев В.В. — концепция, анализ полученных данных, написание, сведение, редактирование и оформление текста; Бараненко П.А. — концепция, анализ полученных данных, написание текста статьи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18.01.2026; принята к публикации 27.04.2026.

Для цитирования: Хапаев В.В., Бараненко П.А. Трактат Константина Багрянородного «О фемах» как источник по исторической топонимике и этнонимике древней Анатолии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 3. С. 372–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386>
EDN: OVZBCM

Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" as a source on the historical toponymy and ethnonymy of ancient Anatolia

Vadim V. Khapaev , Pavel A. Baranenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

 khapaev007@mail.ru

Abstract. The relevance of this research topic stems from the fact that Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" (On the Themes) is a valuable source on ethnic history, previously unappreciated in world historiography. The purpose of this study is to examine the first part of "De Thematibus" as a source on the history of Anatolia peoples in antiquity. Using a comparative method, the authors established that Constantine Porphyrogenitus possessed extensive erudition and was familiar with a large body of ancient written sources. His lack of interest in the current ethnic picture of Byzantine Anatolia supports dating the treatise to the period of Constantine removal from political power (c. 934), when he was focused on literary pursuits. It has been proven that the author of the treatise divided the ancient peoples of Asia Minor into 'important' and 'unimportant', 'good' and 'bad' based on the significant role they played in the events of ancient history and the side they occupied in the conflicts between the Greeks and Romans and their enemies. Constantine Porphyrogenitus's archaization of Anatolian ethnic history testifies to the Byzantine elite's search for historical continuity from the peoples of antiquity, with all their virtues and shortcomings, in the mid-10th century. This prompted authors of that era to deeply study the works of ancient authors, preserve their legacy, and seek out, find, and commission copies of ancient treatises. Thanks to their efforts, a significant body of ancient literary heritage has survived to this day.

Keywords: Byzantine Empire, ethnicity, Asia Minor, antiquity, Greeks, Romaions

Contribution. Khapaev V.V. — concept, analysis of the data obtained, writing, compiling, editing and formatting the text; Baranenko P.A. — concept, analysis of the data obtained, writing.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 18.01.2026; accepted 27.04.2026.

For citation: Khapaev VV, Baranenko PA. Constantine Porphyrogenitus's treatise "De Thematibus" as a source on the historical toponymy and ethnonymy of ancient Anatolia. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(3):372–386. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-3-372-386> EDN: OVZBCM

Введение

Византийская империя, ставшая в средние века политическим и культурным преемником Рима, зачастую воспринимается как греческое национальное государство. Для ранневизантийского и средневизантийского периодов это в корне неверно. Византия, как и Римская империя, строилась как государство наднациональное: понятие «ромей» означало православного подданного империи, независимо от его этнической принадлежности [1. С. 91]. Соседи называли ромеев «греками» не по национальности, а по признаку общеимперского языка, который стал государственным в Восточной Римской империи с начала VII в., а языком межнационального общения Восточного Средиземноморья был еще со времен эллинизма. Ромеи осознавали свою многонациональность, а потому, проявляли к этническим корням населения того или иного региона интерес, но скорее историко-географический, нежели актуально политический.

Благодаря интересу ромеев к своим историческим корням сохранился большой массив информации об этническом прошлом многих византийских территорий. В особенности такого многонационального в древности региона, как Анатолия. Важнейшим, но недостаточно оцененным в историографии источником информации по этому вопросу является трактат «О фемах», приписываемый византийской исторической традицией императору Константину VII Багрянородному (913 (факт. с 945) — 959).

Первая часть трактата, посвященная фемам Азии, лучше всего сохранилась в рукописи XII в., известной как *Vaticanus graecus 1065* [2. Р. 39–43]. Вторая часть, о фемах Европы, дошла до нас в единственном манускрипте «*Parisinus graecus 854*», датированном XIII в. [3. Р. 4, 15–17].

В историографии нет единого мнения о времени написания этой книги. Анонимный автор первого перевода сочинения на русский язык (1858 г.) от датировки воздержался, отсылая интересующихся к мнению одного из ранних публикаторов трактата, библиотекаря герцога Людовика Орлеанского (1703–1752) Ансельмо Бандури (1675–1743) [4. С. I]. Однако А. Бандури своей

датировки не предложил. По крайней мере, в публикации в многотомнике «Corpus scriptorum historiae Byzantinae» подготовленного им текста и комментариев к нему (1840 г.) вариант датировки отсутствует [5. Р. 271–302].

Французский специалист по истории Византии эпохи Константина VII Альфред Никола Рамбо (1842–1905) обосновал датировку трактата 934 г. или вскоре после него [6. С. 165]. С ним согласился автор второй (и пока последней) публикации (1899) перевода сочинения «О фемах» на русский язык Гавриил Александрович Ласкин (1863–1902), проживавший в Таганроге член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете [7. С. 5].

Классик итальянской византистики Агостино Пертузи (1918–1979), автор критического издания трактата «О фемах» в переводе на итальянский язык, предположил, что первую его часть, посвященную азиатской части империи, Константин VII написал сам в 933–934 гг., а вторую — о фемах Европы — дописал историк Иосиф Генесий в 998 г., при императоре Василии II [3. С. 48].

Югославский византист Георгий Александрович Острогорский (1902–1976) не согласился с этим и отстаивал версию А.Н. Рамбо о том, что трактат — единое произведение, созданное отстраненным от фактической власти императором около 934 г. [2. Р. 39–43].

Греческий и французский византист Телемах Константин Лунгис (р. 1945) датировал время написания трактата 952 г., так как полагал, что упомянутое в нем временное овладение ромеями Сицилии относится именно к этому времени. Т.е. сочинение «О фемах» принадлежит не молодому, лишенному власти императору, а обладающему всею ее полнотой самодержцу [8. Р. 299–305].

Его коллега и землячка, первая в истории женщина — ректор Сорбонны, Элени Гликадзи-Арвелер (р. 1926) предложила еще более позднюю дату создания трактата — 956–959 гг., накануне смерти автора. Труд «О фемах» является, по ее мнению, наиболее поздним и незавершенным произведением Константина Багрянородного, а потому, содержит в себе множество противоречий [9]. После 1981 г. дискуссия по данному вопросу прекратилась и до сих пор не возобновлена.

Господствующей, как в российской, так и в зарубежной историографии остается точка зрения А.Н. Рамбо о том, что трактат «О фемах» написан молодым Константином в период его вынужденной праздности [10. С. 384–386]. Будучи отстранен от государственных дел, он имел, во-первых, очень много времени для самообразования и научных занятий, а во-вторых — неограниченный доступ к Императорской библиотеке, крупнейшему собранию книг (в т.ч. античных) того времени [11. Р. 53–80].

В качестве источника по этнической истории, этнонимике и топонимике народов, проживавших в древности на территории будущей Византии, трактат «О фемах» в историографии ранее не изучался. Однако исследования

об этническом самосознании самих ромеев и их отношении к соседним народам все же есть. В частности, об этом писал Геннадий Григорьевич Литаврин (1925–2009) [12. С. 198–217]. Этническую картину Анатолии накануне сельджукского завоевания описал в первой главе фундаментального труда, посвященного цивилизационной трансформации региона после утраты византийского контроля над ним американский византист Спирос Врионис (1928–2019) [13].

Вне контекста творчества Константина Багрянородного этническую историю античной Анатолии изучал целый ряд российских и зарубежных исследователей. Но обобщающих работ по этой теме пока не создано, ее исследования в мировой историографии фрагментарны и в единую систему пока не складываются. К числу значимых в рамках предмета нашего исследования можно отнести рассмотренные ниже работы.

В первую очередь это классический труд немецкого историка искусств Ханса Ротта (1876–1942), в котором изучены памятники античной культуры, в т.ч. надписи на местных языках четырех регионов Анатолии: Ликии, Писидии, Памфилии и Каппадокии [14]. В монографии британского исследователя греческого языка Леонарда Роберта Палмера (1906–1984) описано влияние анатолийских языков на развитие греческого — от эпохи бронзового века до римского времени и византийского периода [15]. Французская исследовательница Анка Дан в 2012 г. опубликовала получившую неоднозначную оценку в историографии статью о смысловом наполнении термина «левко-сирийцы» (белые сирийцы), обозначавшего в древности население, проживавшее в окрестностях Синопы [16]. Влияние древнего фригийского языка на греческий изучает творческий тандем — сербский и хорватский лингвист Орсат Лигорио (р. 1985) и нидерландский филолог российского происхождения Александр Маркович Лубоцкий (р. 1956) [17. С. 180–195].

В современной российской историографии ближе всего к предмету нашего исследования публикации молодых белгородских ученых. М.И. Дорохов изучил историю ассимиляции живших на юго-востоке Анатолии исавров в I–V вв. н.э. [18. С. 29–36]. А.Ю. Пашкова посвятила свое исследование этнической истории Писидии (примыкающего к Ликии региона на юге Малой Азии) [19. С. 15–26].

Таким образом, труд Константина Багрянородного «О фемах» как источник по этнической истории и древней топонимике Малоазийского региона оставался до сих пор не изученным.

Греки Анатолии

О регионах Анатолии (важнейших для империи в средневизантийский период) повествует первая часть трактата «О фемах», в принадлежности которой авторству Константина Багрянородного историки не сомневаются.

Причем только в этой части труда дается этническая характеристика каждой территории. Автор второй части (кто бы им ни был) сосредоточен на событийной истории описываемых регионов. Важность тех или иных земель в Анатолии император определяет по тому, проживали ли там известные исторические деятели (в основном античного периода), происходили ли в древности значимые события [4. С. 2–32].

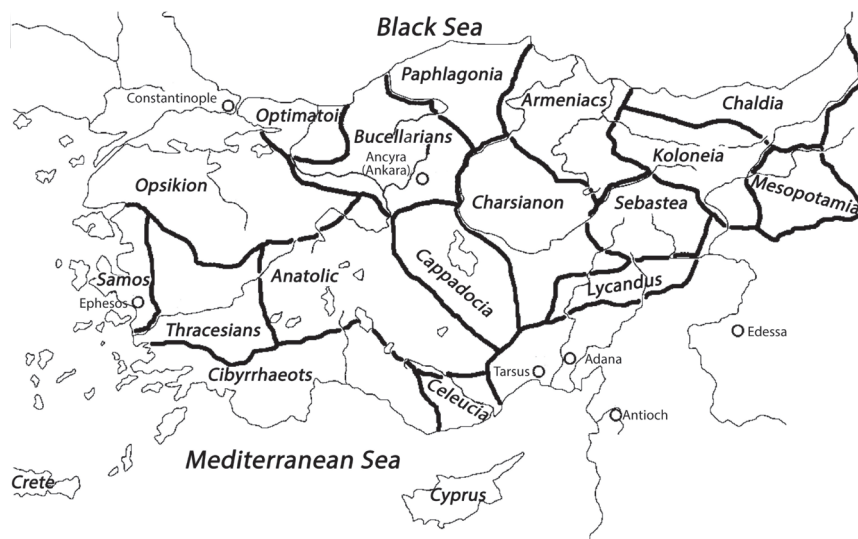
Смысл топонима «Анатолия» автор тоже разъясняет — в описании первой фемы с однокоренным названием — Анатолик, расположенной на юго-западе Анатолийского нагорья (рис.). Объяснение он дает следующее: «Анатолийскою эта фема называется не потому, что она лежит на самом краю востока, откуда восходит солнце, но потому, что относительно нас, жителей Византия и Европы, она может быть названа „анатолийскою“ (восточной). У жителей же Месопотамии, Сирии и Великой Азии, которую населяют инды, эфиопы и египтяне, она называется Средней Западной и Малой Азией» (De Thematibus. I.1.13.10–15)¹ [7. С. 21]. Ко времени царствования Константина VII Багрянородного анатолийские владения Византии были поделены на 17 больших фем.

Фемы византийской Анатолии в середине X в.

Источник: изображение создано В.В. Хапаевым на основе полихромной карты, являющейся общественным достоянием: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Byzantine_Empire_Themata-950-fr.svg#/media/File:Byzantine_Empire_Themata-950-ru.svg (дата обращения: 17.01.2026).

¹ Ссылки на греческий текст трактата «О фемах» приводятся по изданию: Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti libros de thematibus // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Vol. III. Bonnæ: Impensis Ed. Weberi, 1840. 594 р. Римская цифра обозначает часть трактата, первое число из арабских цифр — номер фемы (и соответственно главы), третье — номер страницы в издании, четвертое (четвертые) — номер строк на этой странице (нумерация строк в издании — постраничная).

Themes of Byzantine Anatolia in the mid-10th century

Source: image based by V.V. Khapaev on a public domain polychrome map: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Byzantine_Empire_Themata-950-fr.svg#/media/File:Byzantine_Empire_Themata-950-en.svg/2 (date of access: 17.01.2026).

Греки, как этнос, в главах о фемах Анатолии упоминаются крайне редко — всего лишь пять раз. Во всех случаях речь идет о древних эллинах и связанных с ними историях, что автор специально подчеркивает. В главе о 4-й феме Опсикий (см. рис.) Константин VII сообщает, что живущие там греки (Γραικοί) получили название «от реки Граника, на берегу которого происходила первая битва Александра Македонского с персидскими полководцами» (De Thematibus. I.4.25.10–14) [7. С. 30]. Идет ли в этом пассаже речь действительно о греках (эллинах) или конкретно о жителях долины реки Граник (совр. р. Коджабаш в пров. Чанаккале) без этнической привязки, не вполне понятно.

В главе о 7-й феме Пафлагония (см. рис.) автор сообщает о расселении здесь греков так: «Приморские города: Синоп, Амастра, Тий и так называемый Аминс — города греческие (Ἑλληνίδες) и населены греками (Ἑλλήνων)» (De Thematibus. I.7.29.13–19) [7. С. 33]. В этом отрывке этническая привязка кажется несомненной. Но далее автор запутывает читателя, так как пафлагонцев он считает выходцами из Египта (по контексту — эллинистического) и сообщает, что «Пафлагонийцы по происхождению египтяне, от Финея, первого поселившегося в Пафлагонии, у которого был сын Пафлагон; от него страна и получила название» (De Thematibus. I.7.30.1–4) [7. С. 33]. Т.е. по мнению Константина VII, жители Пафлагонии — потомки греков-эмигрантов из Египта.

Описывая 8-ю фему Халдия (см. рис.), автор указывает на ее исторические корни: «Фема, называемая Халдия и метрополия [ее] Трапезунт — греческие колонии (Ἑλλήνων ἀποικίαι), как говорит и Ксенофонт в своем „Анабазисе Кура“» (De Thematibus. I.8.30.9–11) [7. С. 34].

Как видим, для обозначения греков автор использует и древнегреческий этноним «эллины», и древнеримский «греки» (хотя смысл в этот термин вкладывает свой). Но фиксирует он и существование «ромейского наречия», т.е. современного автору среднегреческого языка. Объясняя название фемы Вукелларии, он апеллирует именно к последнему: «... *фема Вукеллариев получила название не от какого-нибудь места или народа, так называемого, а вследствие сопутствования войску и доставления ему провианта (ибо на ромейском наречии (Ῥωμαίων διάλεκτον) „вукелларий“ означает „страж хлеба“)*» (De Thematibus. I.6.28.2-3) [7. С. 32].

Общий тон повествования свидетельствует о том, что отождествлять себя с греческим народом ромейский правитель не хотел: «... *когда империя была сужена с востока и запада и урезана со времени царствования Ираклия Ливийского (Ираклия I (610–641) — Авт.²), то преемники его, не имея возможности где-либо проявлять свою деятельность, разделили на небольшие части свое государство... и огречились (Ἑλληνικόν), а родной римский язык (Ῥωμαϊκόν) изгнали из употребления*» (De Thematibus. I.Praefatio.12.17–19, 13.1–6) [7. С. 20]. Учитывая армянские этнические корни Македонской династии, к которой принадлежал автор трактата, подчеркнутое дистанцирование его от греческого этноса объяснимо.

Негреческие народы Анатолии

Описывая восточные владения Византии, Константин VII называет каждый из народов, живших в Анатолии в античности, потомки которых стали современными автору ромеями. Среди древних жителей фемы Анатолик он упоминает фригийцев, ликаонийцев, исавров, памфилийцев и писидийцев (De Thematibus I.1.14.20–21) [7. С. 22]. Каких-либо этнических характеристик этих народов автор не приводит. Его внимание сосредоточено на изменениях системы управления регионом: как было при персах, как при македонянах, а затем при римлянах в разные периоды (De Thematibus I.1.17.4–11) [7. С. 23].

Что нам известно об этих этносах из других источников?

Фригийцы сохраняли этническое своеобразие дольше соседних народов. Письменные памятники на фригийском языке датируются VIII в. до н.э. — III в. н.э. Однако не исключено, что в разговорной форме он просуществовал дольше — до V–VII вв. Из всех малоазийских языков именно фригийский имел наибольшее сходство с греческим. Уже во II–III вв. н.э. все надписи на фригийском выполнены греческим письмом [17. С. 180–181]. Хотя восстановить процесс ассимиляции фригийской культуры греческой сложно, к середине X в. культурно-лингвистические различия между двумя народами, несомненно, полностью исчезли.

² Здесь и далее примечания в скобках — авторов статьи.

В отличие от фригийцев, которые были лингвистически близки к эллинам, остальные народы восходили к общему народу-предку — лувийцам, говорившим на языке анатолийской ветви индоевропейской семьи [20. Р. 9–10].

Ликаонийцы, вероятно, испытали на себе меньше греческого влияния, чем фригийцы, поскольку область их расселения (горное плато вокруг современного города Конья, римского Клавдикониума) в античный период подвергалась меньшему влиянию греческой культуры. Греки проникали сюда позже, чем в прибрежные области Малой Азии, и в меньшем количестве. Потому и ассимиляция ликаонцев была не столь глубокой [15. Р. 20–25]. Но и их язык к X в. не сохранился.

В византийской истории, пожалуй, наибольший отпечаток оставили исавры, жившие на границе Анатолии и Сирии. В первой половине I тысячелетия н.э. этот народ играл значительную политическую роль в Восточной Римской империи. Исавры столь быстро и массово включились в систему имперских институтов, что это привело к их значительной ассимиляции, благодаря усвоению греческих и римских традиций. Боевые навыки исавров по достоинству оценили восточные императоры, и уже в V в. представители этого народа занимали видные места в кругах константинопольской элиты [18. С. 34–35]. Император Зенон (474–475, 471–491) был по происхождению исавром. Его первоначальное этническое имя — Трасикодисса [21. С. 27–28]. Соответственно, этническую ассимиляцию исавров можно считать в значительной степени добровольной.

Выделение памфилийцев в отдельную народность спорно, поскольку авторы эллинистического периода указывали на происхождение этого народа как результат смешения эллинов и киликийцев. С древнегреческого языка «*πάμφυλος*» буквально переводится как «*смешанных племен или рас*» [22. С. 1295].

Писидийцы. Мы мало знаем об их языке, который сохранился лишь в 50 надписях, выполненных греческим письмом. Все они датируются концом I тыс. до н. э. — началом I тыс. н.э. [23. Р. 31–42]. Античные авторы не были даже уверены в том, что писидийцы — отдельный народ. Например, Эфор (ок. 405–330 гг. до н.э.) считал, что они отличаются от памфилийцев лишь регионом проживания. Памфилийцы проживали у моря, а писидийцы — в глубине Анатолии [24. С. 662]. Регион их проживания, Писидия, в VI в., после разрушительного землетрясения, оказался сильно опустошен и впоследствии не играл значимой роли в истории империи.

Возможно, что отсутствие интереса Константина Багрянородного к перечисленным выше народам связано с тем, что они не фигурируют в древнем греческом эпосе, а также не сыграли заметной роли в распространении христианства. В отличие от каппадокийцев и пафлагонцев, которые от автора характеристики получили. Причем предельно уничижительные.

Описывая население 2-й фемы Армениак (см. рис.), находившейся на месте древнего Понтийского царства, он констатирует, что название фемы обманчиво: армяне живут не столько в этой феме, сколько граничат с ней. Основное же население это «левкосирийцы» (белые сирийцы). Но этот этноним не современен автору, а взят им у Геродота, о чем он сам и сообщает. Исторически же эта область называется Каппадокия (De Thematibus I.2.18.5) [7. С. 24], название которой использовано в названии фемы, расположенной южнее (см. рис.). Современным ему жителям Армениака автор характеристики не дает. А вот о древних (левкосирийцах?) сообщает следующее: *«Всеми утверждается злонравие каппадокийского народа, так что о нем сложилась поговорка: „Есть три самые дурные К: Каппадокия, Крит, Киликия“»* (De Thematibus II.1.21.10) [7. С. 26]. Критян традиционно упрекали в лени, злонравии и лживости [7. С. 26, прим. 75]; киликийцев — в разбойничьем нраве. Каппадокийцы же, по словам Константина VII, становились тем хуже, чем выше было их благосостояние. В доказательство он приводит эпигramму, приписывавшуюся герою «Одиссеи» слепому аэду Демодоксу: *«Каппадокийцы всегда негодны; скопив кошель, / Еще худшие; от прибыли же самые негодные. / Если же дважды или трижды доберутся до большой колесницы, / То делаются худшими из худших»* (De Thematibus I.1.21.11–15) [7. С. 26].

Каппадокийцы столь злонравны, что их кровь, по мнению императора (и его источника, автора VI в. Иоанна Лида), способна отравить даже ядовитую гадину: *«Каппадокийца некогда укусила злая ехидна, и сама, вкусивши крови ядовитой, умерла»* (De Thematibus I.1.21.17–18) [7. С. 27]. За что каппадокийцы заслужили столь дурную славу, автор не объясняет. Для него это лишь полемический прием, чтобы далее возгласить, что среди столь отвратительных людей *«заблестели как яркие звезды... ревнители веры христианской»* Отцы Церкви, Великие Каппадокийцы — Иоанн Златоуст, Василий Великий, Иоанн Богослов, Григорий Нисский и др. [7. С. 27].

Не менее уничижительной характеристики удостоились пафлагонцы, жители одноименной фемы (см. рис.), находившейся к западу от Армениака и включавшей в свой состав древний город Синопа. Этот «древнейший народ», по словам автора, *«... достоин порицания и известен бесстыдством и испорченностью»* (De Thematibus I.7.29.5–6) [7. С. 33]. Чем же они заслужили дурную славу? Если в случае с каппадокийцами (они же левкосирийцы) император не потрудился это объяснить, то вину пафлагонцев он изложил. Оказывается, во время троянской войны они помогали осажденным, прислав подкрепление царю Приаму! А потому, даже порода мулов у них «испорченная» (De Thematibus I. 7.29.15–16) [7. С. 33].

Происхождение жителей фемы Фракий (см. рис.), располагавшейся в западной части Малой Азии, на территории исторической Лидии, Константин Багрянородный связывает с организованным переселением

в эту страну фракийцев из Мёзии по воле лидийского царя Алиатта (Ἀλιάττης) (617–560 гг. до н.э.). Царь был впечатлен трудолюбием фракийской переселенки, прошедшей у оборонительной стены лидийской столицы города Сарды, на которой восседал царь. Женщина несла на голове кувшин, полный воды, руками в движении пряла пряжу, а к поясу ее был привязан только что напоенный конь. По словам автора, лидийский правитель пожелал иметь побольше таких работающих подданных, отправил послов к царю Фракии Котису (384–359 гг. до н.э.) и выпросил у него *«переселенцев с женами и детьми, толпу довольно большую»* (De Thematibus I.3.23.14–16) [7. С. 27–28]. Эти-то фракийские переселенцы и дали название феме, жители которой, по словам Константина Багрянородного, *«крепки, трудолюбивы и искусны в ремеслах»* (De Thematibus I.3.23.17–18) [7. С. 27–28]. Это — едва ли не единственная позитивная характеристика, данная императором какой-либо части своего населения в трактате «О фемах».

Как видно из дат правления царей Алиатта и Котиса, время их жизни и деятельности разделяет два века, и взаимодействовать они не могли. Если легенда, рассказанная автором, не выдумана им самим, в народном мифе, видимо, соединились имена самых знаменитых царей Лидии и Фракии. А.П. Каждан предположил, что легенда родилась в VII в., когда в исторической Лидии были расселены воины из Фракии [25. С. 2080]. Вероятно, этим мифом они утверждали свои исконные права на заселяемые земли.

Но и о других (коренных) этносах, населяющих Фракисий, Константин VII упомянул: *«Вся Фракисийская фема разделена между следующими народами: лидянами, меонами, карийцами и ионийцами; ионийцами же называются живущие около Милета и Эфеса; жители же внутренней части — сардийцы (от г. Сарды — Авт.), лидяне, меоны, карийцы и жители Малой Фригии»* (De Thematibus I. 3.23.18–22) [7. С. 28]. Видел ли автор этнические различия между упомянутыми социумами или это лишь обозначение населения отдельных территорий, мы не знаем.

В расположенной на азиатском берегу Пропонтиды феме Опсикий (см. рис.) автор, помимо греков, названных так якобы по имени реки Граник (об этом см. выше), упоминает следующие народы: вифинцы, мизийцы и фригийцы. В отличие от «народцев», населявших Фракисий, территорию расселения каждого из них автор обозначает. Вифинцы живут к северу от горы Олимп Вифинский, мизийцы — к югу от него, а побережье Мраморного моря в районе г. Кизик населяют греки (те, которые названы по р. Граник) и фригийцы. На берегу Дарданелл живут дарданы, *«называемые также троянцами»* (De Thematibus I.4.26.1–2) [7. С. 29–30].

В граничащей с Опсикием с востока феме Оптиматы (см. рис.), по словам Константина Багрянородного, проживают *«вифиняне, тарсиаты, финийцы»* и часть фригийцев (De Thematibus I.5.27.4–5) [7. С. 31]. Кто такие тарсиаты

и финийцы, мы не знаем. Возможно, это — название территориальных общин, а не этносов или даже субэтносов.

К востоку от Оптиматов и Опсикия, в феме Вукеллариев (см. рис.) проживают, по словам автора, галаты. Он сообщает, что *«Галаты — выходцы из земли франков; совершилось же это переселение во дни Аттала Пергамского (Аттал I Сотер (241–230 гг. до н.э.) — Авт.) и Никомида сына Зипита (Никомед I (278–250 гг. до н.э.) — Авт.)»* (De Thematibus I.6.28.10–14) [7. С. 32].

Константин VII, как и в случае с переселением фракийцев в Лидию, путается. Известно, что Никомед I пригласил галлов на службу, чтобы использовать их в качестве воинов (Titus Livius. XXXVIII). А Аттал I спустя два десятилетия их разгромил и оттеснил на восток, вглубь Анатолии [26. Р. 30–33]. Это не единственная ошибка императора в рассказе о галатах. Он отождествляет их с древним анатолийским племенем мариандинов, некогда обитавших в районе г. Гераклея Понтийская: *«Называется живущий там народ по-гречески мариандинами, а прозывается галатами»* (De Thematibus I.6.28.6–7) [7. С. 32]. Таким образом, говоря о галатах, венценосный писатель, с одной стороны, делает три грубые ошибки: галаты — не франки, т.е. не германцы; они не тождественны мариандинам, так как являются пришельцами из Европы; и в Анатолию они вторглись не при Аттале Пергамском. Но, с другой стороны, Константин VII демонстрирует весьма широкую эрудицию и знакомство с большим количеством древних исторических трудов. Тем более что к его времени галаты как этнос, несомненно, уже не существовали: последние засвидетельствованные факты использования галатского языка относятся к IV–VI вв. [27].

Заключение

Первая часть трактата Константина Багрянородного «О фемах» является ценным, хотя и противоречивым, источником по этнической истории Анатолии, которому в этом качестве ранее не уделялось внимания в мировой историографии.

Автор трактата демонстрирует широчайшую эрудицию и знание большого количества письменных источников, с которыми он знакомился, вероятно, в собрании Императорской библиотеки в Константинополе.

Интерес автора сосредоточен в основном на этнической истории региона античного периода, а не современного ему. Это в целом характерно для византийской литературы эпохи Македонского Возрождения, одним из выдающихся представителей которой был сам Константин Багрянородный.

Отсутствие интереса к актуальной политической повестке свидетельствует в пользу традиционной датировки написания трактата 934 г., когда автор был отстранен от фактической власти и погружен в научную

и литературную деятельность. Большое количество фактических ошибок и нестыковок в тексте свидетельствует о том, что, обретя власть в 945 г., он к своему раннему трактату не возвращался и работу над ним не завершил.

Деление древних народов Анатолии на «важные» и «неважные» автор проводит на основании их роли в античной истории, наличия на территории их проживания важных исторических событий в древности, подвижников раннего христианства среди местных уроженцев.

Деление древних народов Анатолии на «хороших» и «плохих» также подчиняется характеристикам, данным им древними авторами. Заслуги населения этих территорий перед современной автору Византией во внимание не принимаются. Ярким примером этого служит уничижительная характеристика пафлагонцев, вина которых заключается в том, что в описанной Гомером Троянской войне они встали на сторону побежденных, а не победителей.

Архаизация этнической истории Анатолии Константином Багрянородным свидетельствует о поиске византийской элитой того времени исторической преемственности современного ей ромейского общества от народов древности, со всеми их достоинствами и недостатками. Это вынуждало авторов той поры глубоко изучать труды древних авторов, сохранять их наследие, искать, находить и заказывать копии древних трактатов, благодаря чему до наших дней дошел значительный массив античного литературного наследия.

Список литературы / References

1. Diehl Ch. *Osnovnye problemy vizantiiskoi istorii* [Les grands problèmes de l'histoire byzantine]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury publ., 1947. (In Russ.).
Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. и предисл. Б.Т. Горянова ; под ред. С.Д. Сказкина. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1947.
2. Ostrogorsky G. Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure: à propos de la nouvelle édition du De thematibus de A. Pertusi. *Byzantion*. 1953 [1954];(23):31–66.
3. *Costantino Porfirogenito de thematibus*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana; 1952.
4. Ob oblastyakh rimskoi imperii, sochinenie Konstantina Bagryanorodnogo [On the Regions of the Roman Empire, a work by Constantine Porphyrogenitus]. In: *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh*. Moscow; 1858; (3). (In Russ.).
Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. М., 1858.
5. Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti libros de thematibus. In: *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Bonnac: Impensis Ed. Weberi, 1840; (III).
6. Rambaud AN. *L'Empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète*. Paris: Franck, 1870.

7. Konstantina Bagryanorodnogo «O femakh» (De thematibus) i «O narodakh» (De administrando imperio). [Constantine Porphyrogenitus “On themes” (De thematybus) and “On the peoples” (De administrato imperio)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1899. (In Russ.).
Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) / предисл. Г. Ласкина. М. : Унив. тип., 1899.
8. Lounghis TC. Sur la date du De Thematibus de Constantin Porphyrogénète. *Revue des Etudes Byzantines*. 1973;31:299–305.
9. Ahrweiler H. Sur la date du De Thematibus de Constantin VII Porphyrogénète. *Travaux et Mémoires*. 1981;8:1–5.
10. Moravcsik G. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker. *Byzantinoturcica*. Berlin; 1983;(I):384–386.
11. Wilson NG. The libraries of the Byzantine World. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1967;8(1):53–80.
12. Litavrin GG. Some features of ethnonyms in Byzantine sources. In: *Voprosy etnogeneza i etnicheskoi istorii slavyan i vostochnykh romantsev. Metodologiya i istoriografiya*. Moscow: Nauka publ.; 1976, p. 198–217. (In Russ.).
Литаврин Г.Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / отв. ред. В.Д. Королук. М. : Наука, 1976. С. 198–217.
13. Vryonis S. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press*, 1971. (Калифорнийский университет в Беркли в 02.03.2026 внесен Минюстом РФ в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России / On March 2, 2026, the Russian Ministry of Justice added the University of California at Berkeley to the list of foreign and international non-governmental organizations whose activities are considered undesirable in Russia).
14. Rott H. *Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappodokien und Lykien*. Leipzig: Dieteriche Verrlagsbuchhandlung; 1908.
15. Palmer LR. *The Greek Language*. London: Faber and Faber; 1980.
16. Dan A. Les Leukosyriens quelques notes d’ethnographie sinopéenne. In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2011;16:73–102. <https://doi.org/10.1163/157005711X560327>
17. Ligorio O, Lyubotskii A. Frigiiskii yazyk [Phrygian language]. In: *Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia*. Moscow: Academia; 2013. p. 180–195. (In Russ.).
Лигорио О., Любоцкий А. Фригийский язык // Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М. : Academia, 2013. С. 180–195.
18. Dorokhov MI. On the issue of the temps of urbanization and integration of Isauria in the 1st–5th centuries. *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science*. 2019;46(1):29–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-1-29-36> EDN: UPUNTK
Дорохов М.И. К вопросу о темпах урбанизации и интеграции Исаврии в I–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 29–36. <https://doi.org/10.18413/2075-4458-2019-46-1-29-36> EDN: UPUNTK
19. Pashkova AYU. On the history of regionalism in the south of Ancient Asia Minor: Pisidia. *Via in Rempore. History and Political Science*. 2024;51(1):15–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26> EDN: HUBQVX
Пащикова А.Ю. К истории регионализма на юге античной Малой Азии: Писидия // Via in tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-1-15-26> EDN: HUBQVX

20. Bauer A. *Morphosyntax of the Noun Phrase in Hieroglyphic Luwian*. Leiden: Brill NV; 2014.
21. Harrison RM. The Emperor Zeno's real name. *Byzantinische Zeitschrift*. 1981;74(1):27–28. <https://doi.org/10.1515/byzs.1981.74.1.27>
22. Liddell HG. *A Greek-English lexicon*. Λ — ωώδής. Oxford: Clarendon Press, 1940.
23. Simon Z. Selected Pisidian problems and the position of Pisidian within the Anatolian languages. *Journal of Language Relationship*. 2017;(15):31–42. <https://doi.org/10.31826/jlr-2017-151-207> EDN: YTOPKH
24. Hogarth DG. *Pamphylia*. In: *Encyclopædia Britannica*; (20). Cambridge: University Press; 1911.
25. Kazhdan AP, ed. *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press; 1991.
26. Hansen EV. *The Attalids of Pergamon*. Ithaca and London: Cornell University Press; 1971.
27. Mikhailova TA. Galatian language. In: *Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia*. Moscow: Academia; 2013. p. 196–198. (In Russ.). Михайлова Т.А. Галатский язык // Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М. : Academia, 2013. С. 196–198.

Информация об авторах:

Хапаев Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, e-mail: khapaev007@mail.ru ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-код: 8142-9627.

Бараненко Павел Андреевич — аспирант 3 года обучения, кафедра всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, Российская Федерация, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33, e-mail: PavelNichey@yandex.ru ORCID: 0009-0006-3400-9451. SPIN-код: 8990-2286.

Information about authors:

Vadim V. Khapaev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation, e-mail: khapaev007@mail.ru ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-code: 8142-9627.

Pavel A. Baranenko — Third-Year Postgraduate Student, Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, 33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russian Federation, e-mail: PavelNichey@yandex.ru ORCID: 0009-0006-3400-9451. SPIN-code: 8990-2286.